
ПРАВО
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ФОРМАТЕ СУБЪЕКТНОГО
СОСТАВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

© 2015 г. Валерий Викторович Богатырев¹,
Гор Араратович Манукян²

Аннотация: в работе раскрывается международная деятельность Российской Федерации в формате субъектного состава Российского государства.

Annotation: the work discloses the international activity of the Russian Federation in the framework of subject composition of the Russian State.

Ключевые слова: международная деятельность Российской Федерации, субъектный состав Российского государства.

Key words: international activity of the Russian Federation, subject composition of the Russian State.

Российская Федерация как постоянный член Совета Безопасности Организации Объединенных Наций проводит последовательный внешнеполитический курс на претворение в жизнь целей и принципов Устава ООН во всей их целостности и завершенности. Российская Федерация осуществляет целенаправленную деятельность по обеспечению добросовестного выполнения всеми государствами – членами мирового сообщества своих международных обязательств (ч. 2 ст. 2 Устава ООН).

Включенность Российской Федерации в универсальное международно-правовое пространство предопределено суверенным состоянием государственного существования страны. Постулат *единой системы государственной власти* в параметрах верховенства власти на всем пространственном протяжении Российской Федерации и *независимости* в международной сфере, как справедливо констатируют на этот счет ученые³ и практика

международных судебно-арбитражных органов⁴, устанавливает четкий формат предметного восприятия понятия “суверенитет государства” (“государственный суверенитет”). Международно-правовое позиционирование Российской Федерации в качестве добросовестного участника системы современных международных правоотношений обозначено в формате государства со свойственной ему правоспособностью и дееспособностью. В своём статусе государства Российская Федерация обладает таким неотъемлемым элементом, как международная правосубъектность: наличествует совокупность прав и обязанностей с параллельным существованием реальной юридической возможности выступить в защиту с целью обеспечения своих субъективных прав и законных интересов. В этом плане международная правосубъектность Российской Федерации по обязательствам своего сущностного юридического содержания целиком вписывается в общепризнанные на универсальном уровне стандарты доктринального восприятия понятия “международная правосубъектность”. В решении о возмещении ущерба, вынесенном Международным Судом ООН в 1949 г., понимание международной правосубъектности было обозначено в формате способности обладания международными правами и обязанностями и утверждения

¹ Заведующий кафедрой международного права и внешнеэкономической деятельности Юридического института Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, доктор юридических наук, доцент.

² Аспирант того же института Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

³ См., например: Черниченко С.В. Контуры международного права. М., 2014; Международное право. Учеб. / Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М., 2009. С. 125–141; Международное право / Под общ. ред. А.Я. Капустина. М., 2008. С. 106–130; Международное право. Учеб. / Под ред. А.А. Ковалёва, С.В. Черниченко. М., 2006. С. 150–181; Шумилов В.М. Международное право. М., 2012. С. 65, 66; Каламкарян Р.А., Мигачёв Ю.И. Международное право. М., 2014. С. 104–129;

Judicial Settlement of International Disputes/ International Disputes/ International Court of Justice. Other Courts and Tribunals. Arbitration and Conciliation. Berlin, Heidelberg, New York, 1974. P. 3–19.

⁴ См.: P.C.I.J. Ser. A/B. № 53. P. 45, 46; I.C.J. Reports. 1953. P. 55–57.

своих прав путём выдвижения международно-правовых требований⁵.

Местом, где Российская Федерация может в соответствии с международным правом выступить с целью обеспечения своей юридической безопасности (совокупность субъективных прав и законных интересов), является Международный суд ООН. Процедурный аспект обращения в Международный Суд в рамках современного международного права обозначен в формате присутствия согласия государства по линии достижения компромиссного соглашения (компромисса), односторонней декларации о признании обязательной юрисдикции суда (такими на данный момент являются 65 деклараций)⁶, соответствующего договорно-правового постановления в многопрофильном международном юридическом акте (договорная клаузула). Российская Федерация как государство, заявившее о своей приверженности верховенству праву (Rule of Law)⁷, вполне обоснованно рассматривает Международный Суд ООН как орган по обеспечению международного права вообще и своих собственных субъективных прав и законных интересов, в частности. Именно в этом плане Российская Федерация содействует в своем качестве как суверенное государство укреплению Международного Суда.

Включенность Российской Федерации в международную нормативную систему установлена в параметрах её государственного суверенитета и оформлена в режиме принципа суверенного равенства государств (п. 1 ст. 2 Устава ООН). Российская Федерация через процедуру осуществления и реализации своего суверенитета как целостного территориального, независимого вовне на всём протяжении государства проводит всестороннее сотрудничество с государствами – членами мирового сообщества. Вступление Российской Федерации в международные договорно-правовые отношения с другими государствами осуществляется именно с позиций осуществления, соответственно, реализации своего суверенитета,

а никак не через его ограничение. Проведение юридических действий по линии договорно-правового взаимодействия с государствами – членами мирового сообщества Россия как государство осуществляет посредством провозглашения своего собственного волеизъявления вступить в договорные отношения и заключить соответствующий договор. Положение международного права о том, что вступление государства в договорно-правовые отношения с другими государствами предпринимается не с позиций ограничения (самоограничения) суверенитета, а с позиций его предметного проявления подтверждено на основе последовательной практики международных судебно-арбитражных органов. Так, в решении Постоянной палаты международного правосудия по делу “Уимблдон” (“Wimbledon”)⁸, которое было вынесено в 1923 г., конкретно сказано: “Суд не усматривает в заключении какого-либо договора, по которому государство обязуется совершить определенное действие или воздержаться от совершения определённого действия, отказ от его суверенитета: право вступать в международное соглашение является атрибутом его государственного суверенитета”.

Перевод концептуального позитива международного права в формат его практической реализации в общих параметрах включенности Российской Федерации как суверенного государства в процесс международного договорного взаимодействия осуществляется в чётких рамках юридического (а применительно к государствам – суверенного) равенства – *per in parem non habet jurisdictionem*. При обстоятельствах, когда принцип суверенного равенства государств признан в качестве нормоустанавливающего принципа современного миропорядка (п. 1 ст. 2 Устава ООН), государства в формате юридического равенства призваны уважать суверенитет друг друга и не допускать вмешательства во внутреннюю компетенцию друг друга. Общим правилом здесь являются не просто взаимное уважение суверенитета и недопустимость какого-либо вмешательства, но режим добросовестного поведения контрагентов по международной нормативной системе. Государство в формате своего суверенитета призвано строить так свое поведение, при котором пользование субъективным правом сопряжено с ненарушением обязательства по недопустимости нанесения ущерба субъективным правам другого государства-контрагента по современной международной нормативной системе. Эта грань между добросовестным использованием своими субъек-

⁵ См.: I.C.J. Reports, 1949. P. 178, 179.

⁶ См.: I.C.J. Yearbook 2003-2004. N.Y., 2004. P. 115.

⁷ См.: Иванов С. Верховенство права в международных отношениях // Международная жизнь. 2000. № 12. С. 62–67; Каламкьян Р.А. Господство права Rule of Law в международных отношениях. М., 2004; Dissey A.V. The introduction to the Study of the Law of Constitution. London, 1956; Jackson S.W. Rule of Law among nations // The rule of Law. Dallas, 1965. P. 81; Mash N. The role of Law: A Supra national concept // Oxford essays in jurisprudence. London, 1960. P. 223; Seymour N., Sherman W. The evolving concept of the rule of law // Journal ICJ. 1963. № 4. P. 269; Rule of Law / Ed. H.M. Mackdonald, T.F. Cohen, A.L. Haerding, S.W. Jackson, with introd. by A.L. Harding. Dallas, 1961. P. 3–71.

⁸ См.: P.C.I.J. 1923. Ser. A. № 1. P. 28.

тивными правами со стороны одного государства (в порядке осуществления им своего суверенитета) по отношению к другому государству (с учетом уже его суверенитета) обозначается по обязательствам соблюдения параметров должного поведения всех государств – членов мирового сообщества. Таким параметром должного поведения государств по общему признанию науки⁹ и практики¹⁰ современного права выступает принцип добросовестности *bonae fides*. Установление принципа добросовестности в базисной структуре международно-правовой позиции Российской Федерации по линии всестороннего взаимодействия с другими государствами – членами мирового сообщества предопределило саму юридическую основу включенности России в международную договорную систему в соответствии с постановлениями Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении международных договоров 1978 г., Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г.

Вхождение любого суверенного субъекта международного права в договорно-правовую или обычно-правовую систему международного взаимодействия осуществляется в порядке личного участия в качестве государства. Вне зависимости от того, построено ли государство в режиме унитарного государства либо на условиях федеративного или конфедеративного обустройства, государство вовне своего внутреннего правового порядка всегда выступает в формате единства системы государственной власти, государственного верховенства на всём пространственном протяжении страны, независимости по линии международного участия в современном миропорядке. В том что касается международной договорной системы, то здесь положение “каждое государство обладает правоспособностью заключать договор”

(ст. 6 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.) несёт в себе характер предписывающего постановления. Именно государство в формате целостного суверенного образования “обладает правоспособностью заключать договоры”, поскольку именно оно (а не какая-либо его часть в режиме отдельного субъекта внутригосударственного правового порядка) выходит на международную арену как суверен. Государственный суверенитет принадлежит только исключительно государству как субъекту международного правового порядка. Выход субъекта внутригосударственного правового порядка в параметры международного правового порядка представляется с точки зрения юридической логики неприемлемым. Здесь в общем порядке действует режим согласия со стороны суверена – всего государства в целом. Это правило является нормоустанавливающим фактором нормального с точки зрения права функционирования международного и внутригосударственного правового порядка. Российское государство в порядке заявленной приверженности верховенству права вписывается (по обстоятельствам своего юридически значимого правомерного поведения) в общеустанавливающие понятия соотношения участия субъекта международного правового порядка и субъекта внутригосударственного правового порядка в формате международного взаимодействия членов мирового сообщества. Вхождение Российского государства в договорно-правовые отношения с другим государством при обстоятельствах, когда затрагиваются интересы субъекта Российского государства, согласно общеправовой логике призвано быть осуществляемым в режиме взаимосогласования и представления вариантного решения собственного видения проблемы (общим правилом здесь может выступать представление соответствующих предложений по линии текстуального оформления содержательной части международного договора). Прохождение соответствующей юридически критической даты в пределах точно установленных временных рамок без представления каких-либо юридических документов с вариантным решением собственного обеспечения своих субъективных прав с точки зрения современного международного права вполне обоснованно рассматривается как отказ (в данном случае речь идет не об одностороннем юридическом акте отказа, а об отказе в формате конвенционного акта отказа). Заявитель (а в конкретном плане это – субъект внутригосударственного правового порядка) призван в порядке обеспечения своих субъективных прав представить собственные позитивные предложения по направлению содержательной, юридической ча-

⁹ См. по этому вопросу: Дмитриева Г.К. Становление принципа недопустимости злоупотребления правом // Сов. ежегодник международного права. 1987. М., 1988. С. 114, 117; Её же. Принцип добросовестности в современном международном праве // Правоведение. 1979. № 6. С. 85, 86; Paul V. The Abuse of rights and bona fides in international law // Österreichische Zeitschrift für öffentliches Recht und Völkerrecht. 1977. Bd. 1/2. S. 125, 127, 128, 129; Jacques J.P. Eléments pour une théorie de l'acte juridique en droit international public. Paris, 1972. P. 171; Schwarzenberger G. International Law. London, 1976. Vol. 3. P. 450; Schwarzenberger G. The dynamics of international law. London, 1976. P. 8, 56; Zoller E. La bonne foi en droit international public. Paris, 1977. P. 350.

¹⁰ См.: I.C.J. Reports. 1974. P. 269.

сти международного договора. Непредставление со стороны **субъекта внутригосударственного правопорядка** собственных позитивных предложений в части составления взаимосогласованного текста международного договора **субъекта международного правопорядка** никак не препятствует завершению процедурных аспектов в плане заключения (**субъектом международного правопорядка**) международного договора, но в принципе лишает **субъекта внутригосударственного правопорядка** возможности обеспечения своих предположительных интересов по линии закрепления в тексте подлежащего заключению международного договора собственных, сугубо субъективных прав.

Представленное в современной науке¹¹ и практике¹² концептуальное мнение всецело подтверждает юридическую картину взаимодействия субъекта международного правопорядка и входящего в его состав субъекта внутригосударственного правопорядка по линии заключения международного договора с учетом вовлеченности полномочий (субъективных прав) субъекта внутригосударственного правопорядка. Стабильность международных договорно-правовых отношений содействует стабильности международной нормативной системы в целом.

Ситуация, когда непредставление в установленные временные рамки субъектом внутригосударственного правопорядка подлежащих быть представленными документов по линии предложений к предлагаемому к заключению (со стороны субъекта международного правопорядка, куда входит в качестве составной части государства субъект внутригосударственного правопорядка) международному договору, справедливо рассматривается в международном праве как отказ. Сам акт отказа не может быть квалифицирован в формате уже данного феномена. Юридический факт в режиме констатации отсутствия заявительных действий со стороны субъекта внутригосударственного правопорядка (при обстоятельствах конкретной

востребованности представления в должные временные параметры собственных предложений по линии обеспечения субъективных прав в части заключаемого международного договора) не может презюмироваться как принцип. В качестве общего принципа права (по смыслу ст. 38 Статута Международного Суда) принцип недопустимости презумпции отказа от права, по обоснованному заключению ученых¹³ и практики международных судебно-арбитражных органов¹⁴, признан в качестве фундамента системы юридической безопасности (совокупность субъективных прав и законных интересов) государств. При проведении мероприятий по прохождению стадий договорного процесса заключения конвенционного акта заинтересованная сторона в лице субъекта внутригосударственного правопорядка (как часть суверенно целостного государства) призвана по логике вещей представить в обусловленные законодательством данного государства сроки собственные предложения в формате предмета совместного ведения. Фактическое отсутствие таковых делает юридически обоснованным вывод об отказе обозначить свой правовой интерес в рамках заключения международного договора и тем самым предоставляет суверену правовой титул предпринять надлежащие юридические меры по завершению всего договорного процесса в режиме действующего и действительного международного договора. Таким образом, сам юридический факт непредставления соответствующих предложений в части обеспечения своих субъективных прав в должные, строго установленные временные параметры, с точки зрения общей юриспруденции, не расценивается в качестве препятствия для заключения международного договора данного государства.

Российское государство в порядке подтверждения своей приверженности верховенству права выстраивает весь свой договорный процесс по заключению международных договоров с другими государствами – членами мирового сообщества в формате общепризнанных стандартов современной юриспруденции. Действующий в Российской Федерации Федеральный закон о международных договорах Российской Федерации от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ (принят Государственной Думой 16 июня 1995 г.) представляет собой юридический документ упорядоченного в рамках права процесса заключения международных договоров

¹¹ См. на этот счет: *Шумилов В.М.* Международное право. М., 2012. С. 65, 66; *Ковалев А.А.* Международное экономическое право и правовое регулирование международной экономической деятельностью. М., 2007. С. 52–102; *Международное право. Учеб.* / Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М., 2009. С. 124–140; *Черниченко С.В.* Указ. соч. С. 223–275; *Международное право. Учеб.* / Под общ. ред. А.Я. Капустина. М., 2008. С. 111–118, 155–172, 241–265; *Каламкарян Р.А.* Фактор времени в праве международных договоров. М., 1989. С. 9–76; *Его же.* Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств. М., 1984. С. 79–89.

¹² См.: C.I.J. Reports. 1995. P. 19, 20; C.I.J. Reports. 1951. P. 116, 138, 139.

¹³ См., например: *Каламкарян Р.А.* Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств. С. 79–98.

¹⁴ См.: C.P. J.I. 1936. Serie A. № 10. P. 18.

с участием Российского государства. Постановочное значение в решении всей проблемы заключения международных договоров Российской Федерации с включенностью субъективных прав и законных интересов субъекта Федерации имеют положения ст. 4 “Международные договоры Российской Федерации, затрагивающие полномочия субъекта Российской Федерации”. Общая юридическая картина всех процедурных аспектов заключения международных договоров выстроена в соответствии со строгой логикой права. Речь идет о следующем. Международный договор Российской Федерации, затрагивающий вопросы в формате ведения субъекта Федерации, заключается по согласованию с органами государственной власти заинтересованного субъекта Федерации, на которые возложена соответствующая функция. Основополагающие положения или же сам проект подлежащего заключению международного договора, затрагивающего полномочия субъекта Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации, направляются федеральными органами исполнительной власти органам государственной власти заинтересованного субъекта Федерации, на которые возложена соответствующая функция. Поступившие предложения рассматриваются при подготовке проекта международного договора.

При согласовании вопросов заключения международного договора Российской Федерации органы государственной власти заинтересованного субъекта Федерации, на которые возложена соответствующая функция, уведомляются федеральными органами исполнительной власти о предельных сроках направления предложений, составляющих не менее двух недель. Непредставление в указанный срок ответа не препятствует внесению предложения о заключении международного договора Российской Федерацией.

Весь круг вопросов относительно участия представителей органов государственной власти субъекта Федерации в подготовке проекта международного договора, затрагивающего вопросы, относящиеся к ведению субъекта Федерации, или его полномочия по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации, а также в переговорах и в процедуре его подписания решается федеральными органами исполнительной власти по согласованию с органами государственной власти заинтересованного субъекта Федерации, на которые возложена соответствующая функция.

Обозначенный институционно-правовой формат включенности Российской Федерации (как

государства с единой системой власти, пространственным верховенством и независимостью воле) и заинтересованного субъекта Федерации по линии заключения международных договоров Российской Федерации, затрагивающих полномочия субъекта Федерации, в соответствии с Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ установлен в четких границах верховенства права (как общего режима государственного устройства Российской Федерации) и правового поля Российского государства (по линии взаимодействия Российской Федерации как целостного, единого государства с субъектным составом).

Концептуально и практически обозначена структурно упорядоченная на основе права *система включенности Российской Федерации в ее качестве единого государства и заинтересованного субъекта Федерации* в процесс заключения международных договоров, затрагивающих полномочия субъекта Российской Федерации, по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъекта Федерации. Весь комплекс мероприятий в формате выполнения предписаний законодательства Российской Федерации по линии заключения международных договоров Российской Федерации, затрагивающих полномочия субъекта Федерации, осуществляется в режиме реального правового пространства государственного строительства России как правового государства Rule of Law State. Соответственно, каждый заинтересованный субъект Федерации в рамках договорного процесса по выработке текста международного договора, затрагивающего полномочия субъекта Федерации, по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъекта Федерации, может и по простой юридической логике призван представить соответствующие предложения во временной формат “не менее двух недель” с целью учета своего юридически обозначенного интереса (коль скоро в самом законодательном акте – Федеральном законе РФ от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ речь идет об обеспечении субъективных прав “заинтересованного субъекта Российской Федерации”). Юридический интерес “заинтересованного субъекта Российской Федерации” наукой и практикой международной юриспруденции понимается как свободное волеизъявление субъекта права (в данном случае это право Российского государства в формате его внутреннего правопорядка) направить свои собственные предложения по линии подлежащего заключению международного договора в срок не менее двух недель. По обстоятельствам, когда затрагиваются полномочия субъекта Федерации по предметам совместного ведения Российской

Федерации и субъекта Федерации, возможность направить свои собственные предложения по линии подлежащего заключению международного договора в срок не менее двух недель выступает и рассматривается с точки зрения современного международного права как право конкретного субъекта Федерации. В ситуации осуществления процедуры по направлению своих собственных предложений по линии подлежащего заключению международного договора заинтересованный субъект Федерации тем самым использует свое субъективное право в части учета его юридического интереса в общем тексте международного договора, заключаемого Российской Федерацией. И наоборот, в ситуации неосуществления процедуры по направлению своих собственных предложений по линии подлежащего заключению международного договора в срок не менее двух недель общим юридическим правилом здесь является констатация конвенционного акта отказа от субъективного права. Юридическая сущность обозначенного здесь субъективного права проявляется в тексте подлежащего заключению международного договора в должном учете предложений со стороны субъекта Федерации в части согласования вопросов заключения международного договора Российской Федерацией. Процесс согласования, указанный здесь, идет по двум позициям. **Первое.** В ситуации, когда затрагиваются вопросы, относящиеся к ведению субъекта Федерации. **Второе.** При обстоятельствах, когда затрагиваются полномочия субъекта Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъекта Федерации.

Концептуально и с точки зрения практики современного международного права непредставление согласно ст. 4 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ предложений со стороны субъекта Федерации по линии согласования вопросов заключения международного договора Российской Федерации в предельные сроки не менее двух недель имеет в качестве своего юридического свойства два последствия. *Во-первых*, сам факт непредставления не образует препятствия на пути внесения предложений о заключении международного договора Российской Федерацией. *Во-вторых*, при обстоятельствах, когда факт непредставления образует собой отказ от субъективного права впоследствии (по прошествии не менее двух недель) направить предложения по линии согласования вопросов заключения международного договора Российской Федерацией, сам факт непредставления не презюмируется. В своем качестве общего принципа права (ст. 38 Статута Международного Суда) принцип

недопустимости презумпции отказа от права в предметных параметрах осуществления процедуры заключения международного договора, затрагивающего полномочия субъекта Федерации, по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации, параллельно с предоставлением права устанавливает предписание направить свои собственные предложения в предельные сроки не менее двух недель с целью согласования вопросов заключения международного договора, затрагивающего полномочия субъекта Федерации, по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъекта Федерации. Установленное здесь предписание носит характер предоставленного субъективного права, которое рассматривается как утратившее свою юридическую силу по обстоятельствам непредставления соответствующего предписания в срок не менее двух недель. Верховенство права в рамках предоставленного субъективного права здесь полностью соблюдено. Приоритет права над всеми другими соображениями здесь зафиксирован и подтвержден. Внутригосударственное законодательство Российской Федерации в части правового регулирования процесса заключения международного договора, затрагивающего полномочия субъекта Федерации, по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъекта Федерации, всецело вписывается в параметры правового Российского государства. Действующая Конституция РФ 1993 г. в ст. 72 устанавливает полномочия по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъекта Федерации. Юридический формат совместного ведения Российской Федерации и субъекта Федерации обозначен и логически определяется в параметрах взаимодействия государственного суверена – Российской Федерации и производного от него (государственного суверена) субъекта права в лице субъекта Федерации. Соответственно, и полномочия в параметрах полномочий по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации обозначаются в формате суверенного субъекта к производному субъекту. При этом весь позитив права в аспекте взаимодействия суверенного субъекта и производного субъекта обеспечивается в режиме целостной судебной системы Российской Федерации. Конституционный Суд РФ как конкретный представитель целостной судебной системы в своем Определении от 6 декабря 2011 г. № 250-О по запросу Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан о толковании ряда положений ст. 5, 11, 71-73, 76-78 Конституции РФ представил в рамках юридически обоснованного документа правовой формат

позиционирования Российской Федерации в ее качестве суверенного государства – члена мирового сообщества государств и субъекта Федерации как составной части Российского государства. **Первое.** Установочное положение Определения предписывает: “Суверенитет Российской Федерации, в силу Конституции Российской Федерации... не допускает суверенитета ни республик, ни иных субъектов Российской Федерации”. Суверенитет, как справедливо констатируется в Определении, изначально принадлежит Российской Федерации в целом. **Второе.** Конституцией РФ в режиме единой системы государственной власти, верховенством на всем пространственном протяжении государства и независимостью вовне никак “не затрагивается принадлежность республике всей полноты государственной власти, которой она... обладает вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов; равным образом не затрагивается и высшая юридическая сила Конституции республики по вопросам, которые... относятся к ее ведению как субъекта Российской Федерации”. **Третье.** “Принадлежащая субъекту Российской Федерации полнота государственной власти..., приоритет нормативного правового акта субъекта Российской Федерации..., самостоятельное установление субъектом Российской Федерации своей системы органов государственной власти... не могут рассматриваться республикой в качестве ее суверенных прав и суверенных полномочий со всеми вытекающими последствиями”. В системе конституционно-правового взаимодействия между государственным сувереном и уполномоченным субъектом данного суверена издаваемые ими юридические акты в силу логики вещей соотносятся как основное и производное. **Четвертое.** В режиме “государственной целостности и единства системы государственной власти..., верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов, которые имеют прямое действие и применяются на всей территории Российской Федерации, включающей в себя территории ее субъектов..., только Российская Федерация вправе заключать международные договоры, приоритет которых признается в ее правовой системе, и только Российская Федерация как суверенное государство может передавать межгосударственным объединениям свои полномочия в соответствии с международным договором”. При обстоятельствах, когда договаривающейся стороной международного конвенционного акта является суверенное государство, только Российская Федерация в ее качестве суверенного госу-

дарства, Великой державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН вправе осуществлять процедуру по заключению международных договоров. **Пятое,** последнее, положение Определения Конституционного суда РФ несет в себе нормоустанавливающее, главенствующее значение: “Приоритет положений Конституции Российской Федерации имеет место при определении как статуса субъекта Российской Федерации, так и предметов ведения и полномочий органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти ее субъектов”. Концептуально Определение Конституционного Суда от 6 декабря 2001 г. устанавливает предельно четкую юридическую конструкцию: *в ситуации, когда субъекты Федерации не имеют статуса суверенного государства, полномочной стороной международных договорно-правовых актов всегда и везде выступает Российская Федерация в ее признанном юридическом качестве государственного суверена, независимого участника международной договорной системы.*

Представленный здесь концептуальный вывод вписывается в постановления Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ, а именно: “В соответствии с Конституцией Российской Федерации заключение, прекращение и приостановление действия международных договоров Российской Федерации находятся в ведении Российской Федерации” (ст. 3). При обстоятельствах установочного подтверждения исключительного права России как суверенного государства на заключение, прекращение и приостановление действия международных договоров Российской Федерации *общий реестр международных договоров Российской Федерации покрывает межгосударственные договоры* (международные договоры Российской Федерации заключаются с иностранными государствами, а также с международными организациями и иными образованиями от имени Российской Федерации); *межправительственные договоры* (от имени Правительства РФ); *договоры межведомственного характера* (от имени федеральных органов исполнительной власти или уполномоченных организаций). Будучи международными договорами Российской Федерации, *межгосударственные, межправительственные и договоры межведомственного характера заключаются от имени Российской Федерации как государства в его качестве носителя государственного суверенитета.*

Включенность Российского государства как суверена в систему международных правоотношений предопределено статусом и ролью Прези-

дента РФ как главы государства и гаранта Конституции РФ (ст. 80 Конституции РФ). В своем качестве главы государства и гаранта Конституции РФ Президент РФ выступает как глава Российского государства в его целостности и в режиме единой системы государственной власти. В общих параметрах конституционно-правового пространства Российского государства Президент РФ как глава государства: 1) является гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина; 2) принимает надлежащие меры по охране суверенитета Российской Федерации; 3) обеспечивает согласованное действие всех органов государственной власти Российской Федерации; 4) определяет основные направления внутренней и внешней политики Российского государства; 5) представляет Российскую Федерацию в ее целостности и в режиме единой системы государственной власти внутри Российской Федерации и в формате современных международных отношений¹⁵.

В области обороны в соответствии со ст. 4 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 г. Президент РФ как Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами РФ определяет основные направления военной политики Российской Федерации; утверждает Военную доктрину Российской Федерации, План обороны Российской Федерации, Положение о военном планировании в Российской Федерации; осуществляет руководство Вооруженными Силами РФ, другими войсками, воинскими формированиями и органами; в случае агрессии или непосредственной угрозы агрессии против Российской Федерации, возникновения вооруженных конфликтов, направленных против Российской Федерации, объявляет общую или частичную мобилизацию, вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе, отдает приказ Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами РФ о ведении военных действий; исполняет полномочия в области обеспечения режима военного положения в соответствии с Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом. Общий формат полномочий Президента РФ в области обороны предопределен статусом Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами РФ.

Конституционно-правовой режим позиционирования Президента РФ как главы Российского государства в его целостности и в режиме единой системы государственной власти на всем пространственном протяжении страны проявляет себя в формате включенности России (как Великой державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН) в мероприятия по поддержанию или восстановлению мира. Процедура в институционном плане всецело упорядочена Федеральным законом «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» от 26 июня 1995 г. В гл. II «Порядок принятия решений о предоставлении Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в миротворческой деятельности» (ст. 6–9) установлено: «Решение о направлении за пределы территории Российской Федерации отдельных военнослужащих для участия в миротворческой деятельности принимается Президентом Российской Федерации. Президент Российской Федерации определяет район действий указанным военнослужащим, их задачи, подчиненность, срок пребывания и порядок замены, а также устанавливает в соответствии с федеральными законами дополнительные гарантии и компенсации указанным военнослужащим и членам их семей. Президент Российской Федерации принимает решение об отзыве указанных военнослужащих, если в связи с изменением международной обстановки дальнейшее их участие в миротворческой деятельности становится нецелесообразным» (ст. 6). В порядке выполнения предписаний гл. III «Порядок принятия решений о предоставлении Российской Федерацией воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации для участия в международных принудительных действиях с использованием вооруженных сил» (ст. 10–12) «решение о направлении за пределы территории Российской Федерации воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации для участия согласно Уставу ООН в международных принудительных действиях с использованием вооруженных сил принимается Президентом Российской Федерации на основании Постановления Совета Федерации о возможности использования Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации и в соответствии с ратифицированным и вступившим в силу для Российской Федерации международным договором либо, если заключение международного договора

¹⁵ См. подробнее на этот счет: Прудников А.С. и др. Конституционное право России. Учеб. для студентов вузов / Под ред. Б.С. Эбзеева, А.С. Прудникова, В.И. Авсеенко. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 393–419.

предполагается, в соответствии с федеральным законом” (ст. 10).

Конституция РФ связывает суверенитет Российской Федерации, ее конституционно-правовой статус и полномочия, а также конституционно-правовой статус субъектов Федерации не с их волеизъявлением в порядке договора, а с волеизъявлением многонационального русского народа – носителя и единственного источника власти в Российской Федерации, который, реализуя принцип равноправия и самоопределения народов, конституировал суверенную государственность России как исторически сложившееся государственное единство в ее настоящем федеративном устройстве. Соответственно, субъекты Федерации не обладают суверенитетом, который изначально принадлежит Российской Федерации в целом (п. 3.1 Определения Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2001 г. № 250-О).

В ситуации, когда суверенитет Российской Федерации как изначально принадлежащий Российской Федерации в целом не допускает суверенитета субъектов Федерации, международная правосубъектность – в формате международной правоспособности (обладание субъективными правами) и международной дееспособности (обладание способностью к обеспечению субъективных прав) – представляет собой правовой титул исключительно и только Российского государства. У субъектов Федерации отсутствуют признаки правоспособности субъектов международного права, сформулированные К.А. Бекяшевым: а) известная внешняя обособленность; б) персонификация; в) способность вырабатывать, выражать и осуществлять автономную волю; г) участвовать в принятии норм международного права¹⁶. Отсутствие признаков еще раз подтверждает постулат о том, что субъекты Российской Федерации не могут априори обладать международной правосубъектностью. Только Российское государство при обстоятельствах подтверждения своей международной правосубъектности может осуществлять действия по обеспечению своих субъективных прав в Международном Суде. А ведь в этом и состоит юридическое существо понятия международной право- и дееспособности. В ст. 34 Статута Международного Суда на это сказано: “Только государства могут быть сторонами по делам, разбираемым Судом”. При

обстоятельствах, когда субъекты Российской Федерации не являются государствами, они не могут (согласно Статуту Международного Суда) обращаться в суд и, соответственно, не обладая международной правосубъектностью, не могут осуществлять предусмотренную на этот счет международную право- и дееспособность.

По факту сделанного концептуального заключения доктринальные мнения ряда ученых-юристов о появлении у субъектов федерации международной правосубъектности¹⁷ представляются по своей юридической сути несостоятельными.

Признание суверенитета (“верховенство государства на своей территории и независимость в международных отношениях”)¹⁸ как имманентно присущего юридического существа Российского государства в качестве субъекта международного права предопределяет весь вопрос о координации международной деятельности субъектов Федерации в рамках упорядоченности в комплексе следующих нормативно-правовых актов: Конституции РФ (ст. 72), федеральных законов (“О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации” от 4 января 1999 г., “О международных договорах Российской Федерации” от 15 июля 1995 г., “Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности” от 8 декабря 2003 г.), Указов Президента РФ (“О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации” от 8 ноября 2011 г., “Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации” от 11 июля 2014 г.).

Позитив правоприменительной практики Российского государства по линии включенности в качестве суверенного субъекта международного права в современный миропорядок обозначен заявленной приверженностью верховенству права.

¹⁷ См.: *Надирадзе Н.А.* Федеративное устройство государств. Международная правосубъектность субъектов федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000; *Кулагина И.А.* Правосубъектность Российской Федерации в контексте международного права. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007; *Бузуртанова Ф.А.* Правовые аспекты международных договоров субъектов Российской Федерации с иностранными государствами. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000; *Миронов В.П.* Конституционно-правовые проблемы разграничения предметов ведения и полномочий в условиях российского федерализма. Дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.

¹⁸ *Ушаков Н.А.* Суверенитет и его воплощение во внутригосударственном и международном праве // Московский журнал международного права. 1994. № 2. С. 5.

¹⁶ См.: *Ануфриева Л.П., Бекяшев Д.К., Бекяшев К.А., Устинов В.В.* Международное публичное право. Учеб. / Отв. ред. К.А. Бекяшев. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 146.